

Глава I

Робинзон

Отец мой, по фамилии Крейцнер, происходил из довольно богатой семьи, родом из Бремена. Приехав в Англию, он поселился сначала в Гулле, где нажил себе торговлей значительное состояние; затем переехал в Йорк и женился на моей матери, носившей старинную фамилию Робинзонов, одну из самых известных в той местности. Вот почему, родившись здесь в 1632 году, я получил двойную фамилию Робинзона-Крейцнера. Но поскольку у англичан есть обычай коверкать все иностранные слова, в том числе и собственные имена, то не только нас прозвали другие, — мы и сами стали называть себя, а позже и подписываться *Крузо*. Так всегда меня звали все мои знакомые.

У меня было два старших брата: один служил во Фландрии подполковником в Английском пехотном полку под начальством знаменитого полковника Локгарта и был убит в сражении с испанцами под Дюнкирхеном. Что случилось со вторым моим братом, мне столь же мало известно, как неизвестно было моим родителям, что произошло потом со мной.

Я был третьим сыном, к торговому делу не готовился, и меня слишком рано начали одолевать всякие несуразные мысли. Отец мой, будучи уже в преклонном возрасте, сумел дать мне весь объем общих знаний, который можно приобрести, воспитываясь дома и посещая городскую

школу. Он прочил меня в адвокаты, но меня ничего не привлекало, кроме морских путешествий. Эта страсть, несмотря на просьбы и убеждения моей матери и друзей, вопреки желанию и воле моего отца, захватила меня с такой силой, что казалась каким-то роком, пронзившим меня с рождения и упрямо толкавшим к бедствиям и горестям, впоследствии ставшими моим уделом.

Отец мой, человек рассудительный и дальновидный, в надежде отвратить меня от моего намерения, настойчиво наставлял меня на путь истинный. Однажды утром он позвал меня к себе в комнату, в которую его заточила подагра, и горячо отговаривал от задуманного. Он спросил, какая еще причина, кроме моего пагубного влечения к странствиям, заставляет меня оставить отчий дом и родную страну, где мне все благоприятствует, где своим трудом я мог бы обеспечить себе значительное состояние, спокойную, благополучную жизнь.

— Только люди разорившиеся, потерявшие все состояние, — продолжал он, — бездельники, только честолюбцы или легкомысленные искатели приключений пускаются в подобные предприятия и ищут славы в делах, выходящих за пределы обычной, естественной жизни. С одной стороны, это стремление тебе не по силам, с другой — оно унижает тебя; твой настоящий удел — среднее состояние, то есть высшая ступень скромного жизненного бытия. Многолетний опыт убедил меня, что лучшим положением в мире является то, которое полнее других соответствует благополучию человека. Оно чуждо нужды и угнетения, физического труда и лишений, которые тяготеют над низшими классами; в нем не беспокоят нас ни

гордыня, ни роскошь, ни самолюбие, ни зависть высшего класса. Ты лучше оценишь также счастье, когда узнаешь, что все люди, живущие в других условиях, ему завидуют. Даже цари нередко жалуются на трудности и беспокойства, связанные с их высоким званием: как часто жалеют они о том, что Провидение не поставило их между двумя крайностями — величием и ничтожеством, да и мудрецы утверждают, что середина — мера истинного счастья, все они просят избавить их как от нищеты, так и от излишнего богатства.

Наблюдай сам — и ты убедишься, что превратности судьбы подстерегают людей высшего и низшего классов. Меньше всего их приходится на людей среднего состояния, подверженных этим превратностям в меньшей мере, чем высшие и низшие слои общества: в нем реже встречаются болезни, беспокойства телесные и душевные, чем в двух других состояниях, из которых одно своими роскошью и пороками, а другое утомительным трудом, недостатками, скудной пищей и даже голодом естественным образом вызывают различные недуги и несчастья. Среднее состояние лучше и надежнее других обеспечивает расцвет всех добродетелей, всех удовольствий; спокойствие и изобилие — верные спутники счастливой посредственности. Воздержание, умеренность, здоровье, доброжелательность, общительность, приятные развлечения и всяческие удовольствия ниспосланы судьбой среднему состоянию. Человек среднего состояния в приятном спокойствии проходит свой жизненный путь и безмятежно, мирно завершает его. Тяжкая работа не удручает ни рук его, ни головы: он не влачит жизнь раба из-за куска насущного хлеба; его

не изнуряют несчастья, лишаящие спокойствия и сна тело; его не сводит с ума зависть или втайне сжигающая жажда почестей и величия; в довольстве он легко скользит по свету, с наслаждением вкушает радости жизни, минуя ее горечи; чувствует себя вполне счастливым и с каждым новым днем учится осознавать это все больше.

После этого отец настойчиво и по-доброму убеждал меня перестать ребячиться, не искать на свою голову приключений, от которых меня должно защитить данное мне от рождения положение:

— Ты не нуждаешься в поиске хлеба насущного, я помогу тебе скорее обрести то состояние, которое я тебе предлагаю. Если же после этого тебе не повезет и ты не будешь счастлив, пеняй на свою судьбу или на тобой же допущенную ошибку; я в ответе не буду. Исполняя свой долг, я предостерег тебя от того шага, который ведет к краху. Одним словом, я готов всячески облагодетельствовать тебя, если ты остепенишься и останешься дома по моему совету. Но я не намерен способствовать твоей гибели, дав добро на задуманный тобой отъезд. У тебя перед глазами живой пример твоего старшего брата, которого я так же убеждал не участвовать в нидерландской войне. Однако все убеждения оказались напрасны: юноша ушел в армию и погиб. Я не перестану молиться о тебе, но скажу честно: если ты сделаешь этот безрассудный шаг, Бог не даст тебе благословения, и когда впоследствии ты пожалеешь о содеянном и останешься без помощи, тогда вспомнишь мои советы, которыми пренебрег.

В конце этой действительно пророческой речи, в чем — я полагаю — и сам отец мой еще не был уверен, слезы

обильно потекли по его лицу, особенно когда он говорил о моем брате. Предсказывая мне мое раскаяние в будущем, он не в силах был продолжать и, внезапно остановившись, прибавил: «Я слишком расстроен, больше не могу сказать ни слова!»

Я искренне был тронут этим отеческим внушением: могло ли быть иначе? И отказался от своего решения, и решил остаться дома, исполнив волю моего отца. Но, увы! — через несколько дней добрая решимость моя исчезла, и несколько недель спустя я — во избежание новых родительских назиданий — решился бежать! Однако и тут еще я не сразу бросился из дому в порыве нетерпения: заметив однажды, что моя мать несколько развеселилась, я отвел ее в сторону и сказал: «Желание странствовать по свету настолько овладело мной, что у меня ничего решительно не получается, ни на одно дело у меня не хватает терпения, и отец мой лучше бы сделал, если бы дал мне свое согласие, а не поставил меня перед необходимостью обойтись без него. Мне минуло восемнадцать лет и поздно теперь идти в ученики к купцу или писарем к какому-то прокурору. Я уверен, что если это и сделаю, то все равно не дождусь конца испытательного срока и непременно сбегу от хозяина и уйду в плавание. Замолвите за меня словечко батюшке, чтобы он сам отпустил меня попытаться совершить путешествие, и если все это мне наскучит, я вернусь и более не тронусь с места и обещаю вам удвоенным прилежанием наверстать все потерянное время».

Мое объяснение сильно расстроило мою мать.

— Это невозможно, — сказала она. — Я ни за что не стану говорить об этом с твоим отцом, ведь он слишком

хорошо знает, что тебе принесет пользу, и не согласится с твоими планами, мне даже странно, что ты после разговора с ним, такого доброго, мягкого, убедительного, продолжаешь еще об этом думать! Словом, если ты хочешь погубить себя, я больше не знаю, чем тебе помочь, и не сомневайся, что отец твой никогда с тобой не согласится. Что касается меня, я никогда не смогу благословить тебя на гибель и не хочу, чтобы обо мне сказали, будто я — твоя мать — поддержала твое непродуманное решение, против которого был отец.

Позже выяснилось, что, несмотря на обещание, моя мать все пересказала отцу и он, сильно обеспокоенный, сказал ей: «Этот мальчик мог бы быть счастливым, оставшись дома, но если он отправится странствовать, то станет несчастнейшим существом; я никогда не соглашусь на это».

Только через год мне удалось уйти. Все это время я постоянно отказывался от любого предложения заняться каким-либо делом и нередко упрекал отца и мать за их непреклонность, ведь они знали, как сильны мои природные склонности. Однажды случайно, без всяких мыслей об отъезде, прибыв в Гулль, я встретил там одного из моих товарищей, который отправлялся морем в Лондон на корабле своего отца. Этот товарищ соблазнил меня ехать с ним, используя обычную приманку моряков, — что я отправлюсь даром. Не посоветовавшись с моими родителями, даже не поставив их в известность, а предоставив им самим как-то узнавать о моем отъезде, не спросив благословения ни Божьего, ни родительского, не учитывая обстоятельств, ни последствий, я, по несчастью